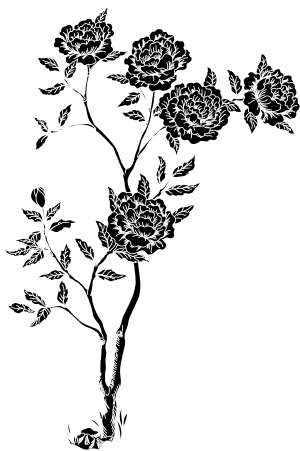

Юлия Климова

Удача
не плачет

Москва

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЮЛИИ КЛИМОВОЙ

ШУРЫГИНЫ. СЧАСТЬЕ НЕ ЧУЖОЕ

Пожалуйста, обернись
Сто лет без тебя
Там сосны рисуют небо

АНАСТАСИЯ ЛАНЬЕ. ПУТЬ ДОМОЙ

Стрекоза летит на север
Гнездо для стрекозы

ГЛЕБ. КОЛЧАН СО СТРЕЛАМИ АМУРА

В ее сердце акварель
Ветер подскажет имя

ДЖЕННИ. ВРЕМЯ НАДЕЖД И ЖЕЛАНИЙ

Удача не плачет
Я твое ненастье

Мадемуазель Судьба
Перекресток всех дорог
Не исчезай, останься
Разбуди мое сердце
Рецепт ее счастья
Не спеши ее терять
Лети, птица Феникс
Дом певчих птиц
Я пришла, откройте дверь

Юлия Климова

Удача
не плачет

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии
Радиа Фахрутдинова

Иллюстрация на обложке RÉMICH

В оформлении переплета использована иллюстрация RÉMICH

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Helen Lane, Sharpei S / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Климова, Юлия Владимировна.
К49 Удача не плачет: [роман] / Юлия Климова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202491-7

Дженнифер живет в семье родственников, а это не те люди, которые станут искренне заботиться о чужом ребенке. К тому же их беспокоит тайна рождения девочки. Кто ее отец? Где он? И почему мать дала ей такое странное имя? Оказывается, на эти вопросы может ответить старая няня, и жизнь Дженни кардинально меняется. Собрав вещи, она едет к отцу, в дом, где добро и зло переплетаются, а любовь не имеет права на ошибку...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Климова Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202491-7

На вкус — как последняя капля дождя.
На вес — как туман на краю октября.
На взгляд — как печаль пожелтевших страниц.
На боль — как смерть подстреленных птиц.

Люби меня, слышишь? Люби до конца.
Чтоб взгляды тонули, слезились глаза,
Чтоб мысли срезали скопище лет,
Чтоб я не искала вопрос на ответ.

ГЛАВА I

И пусть тайна стучится в дверь

Я помню лишь три случая, когда узорчатые стрелки больших каминных часов останавливались. Они будто хотели ненадолго победить время, чтобы предупредить обитателей дома о событиях, которые непременно сотрясут устоявшуюся жизнь. Потому что каждый раз происходило нечто важное и тревожное.

Пять лет назад на чердаке вспыхнул пожар.

Четыре года назад наш школьный автобус закрутило на льду, и он врезался в фонарный столб.

А прошлой осенью на поселок обрушился ураган, вырвавший с корнем несколько деревьев и расколовший мою любимую березу надвое. Точно огромный великан взмахнул топором — и нет березы.

Да, было три таких случая, и вот теперь стрелки вновь замерли, показывая полночь.

— Дженни, ты собираешься так стоять вечность? — раздался недовольный голос тети, и я отдернула руку от часов. — Возможно, тебе пора подумать об уроках. Или хотя бы уберись в своей комнате.

— Хорошо, — быстро произнесла я, зная, что ответ не долетит до слуха Марины Аркадьевны, он ей попросту неинтересен.

«Если ты сирота, живущая у родственников из милости, то знай свое место», — как-то сказала она, и, немного поразмышляв, я приняла данное условие.

В этом доме не так уж и плохо быть привидением: ты бесшумно скользишь по полу, мечтаешь, поздно ложишься спать, читаешь, опять мечтаешь и лишь изредка выслушиваешь нравоучения. Обычно, бросив пару-тройку воспитательных фраз, Марина Аркадьевна уходит, оставив после себя стойкий аромат сладких духов и легкое недовольство, дрожащее в воздухе. И я вновь становлюсь свободной на долгие дни.

Дядя еще меньше интересуется моей скромной пятнадцатилетней персоной. Наверное, если бы я собрала вещи и ушла, он бы даже не заметил. Хотя... Однажды я слышала, как он сказал Марине Аркадьевне: «Я опасаюсь, что эта девчонка научит Вику чему-нибудь плохому. В ее генах течет порочная кровь, никто же не знает, где шастала моя разлюбезная сестра и кто отец нашей племянницы. Дженнифер... Тьфу. У нее даже имя непристойное!»

Проводив взглядом тетю, я вновь посмотрела на остановившиеся стрелки часов и тихо произнесла:

— Что-то произойдет. Обязательно. И очень скоро...

Да, меня зовут Дженнифер. Кратко — Дженни. И я не знаю, отчего мама дала мне такое странное имя. Но когда-нибудь я разгадаю эту загадку. Должно же быть объяснение... Хоть какое-нибудь. Я сто раз спрашивала об этом Лизу, но она лишь пожимает плечами, качает головой и отмахивается, мол, теперь уж никто до правды не докопается. Однако я много раз замечала, что от моих вопросов глаза ста-

рой няни темнеют, а морщин на ее лбу становится гораздо больше.

Уроки я давно сделала, до ужина оставалось полтора часа, и с минуту я думала, чем бы заняться. У выходных есть огромный минус: дядя остается дома, и стены будто пропитываются холодом и раздражением. А это вызывает только одно желание — лечь в кровать, накрыться одеялом и зажмуриться.

Я бы с удовольствием завтракала, обедала и ужинала в своей комнате, думаю, это положительно сказалось бы на моем аппетите. Но дядя и тетя выступают за сохранение семейных ценностей. То есть мы обязательно должны собираться за большим столом, чтобы вместе есть и общаться.

Помню, в детстве мне разрешалось говорить: «дядя Юра» и «тетя Марина». Но три года назад, сразу после Рождества, Марина Аркадьевна и Юрий Викторович во время обеда сообщили, что я выросла и отныне и навсегда должна обращаться *«к самым близким и дорогим людям уважительно — по имени и отчеству»*. Вика тогда прыснула от смеха и спросила, нельзя ли и ее называть по имени-отчеству, так как она тоже дорогая и близкая...

Прихватив книгу, блокнот и цветные карандаши, я отправилась на чердак, где удобно устроилась на кушетке. После ремонта здесь все еще пахло свежими досками, и мне нравилось представлять, будто я плыву на корабле. Волны бьются о борт, а в небе раздается крик чаек. И ничего страшного, что за окном настойчиво каркает ворона. Главное — верить в лучшее.

В мае на чердаке еще прохладно, но я не стала кутаться в плед, а просто подтянула ноги к груди и обхватила руками колени. Если ночью посмотреть

в узкое окно чердака, то можно увидеть Большую Медведицу. Я тысячу раз пробиралась сюда после двенадцати и глядела на небо. Даже представляла, что однажды семь звезд действительно превратятся в добрую маму-медведицу, которая унесет меня отсюда совсем в другую страну — сказочную. Но это, конечно, было давно.

«Жаль, сейчас нет звезд...»

Взяв блокнот и карандаш, я принялась рисовать Лизу. Таланта у меня не слишком много, портреты обычно получаются слабенькие, но зато очертания, фигуры, детали — это точно мое. И няню я ставила в отдалении. Вот она сидит за столом, ссутулившись, и протягивает руку к чашке... А чашка пусть будет голубая. Потом раскрашу.

Пожалуй, Лиза единственный человек в доме, рядом с которым мне хорошо и комфортно. Но несмотря на это, мы не так уж и много общаемся. Марина Аркадьевна всегда ревностно следит за тем, чтобы внимание Лизы было максимально направлено на Вику. И няня побаивается разговаривать со мной долго. Но иногда я пробираюсь к ней в комнату и... мы болтаем сколько угодно!

— Между прочим, мне исполнилось шестнадцать лет. Шестнадцать! В некоторых странах в этом возрасте замуж выходят, а у меня до сих пор есть нянька! — иногда восклицает Вика. — Если кто-нибудь узнает об этом, то...

Вообще-то, я могла бы шантажировать свою двоюродную сестру. Подобные тайны стоят дорого.

Да, за нами уже давным-давно не нужно присматривать, мы выросли. Однако Марина Аркадьевна очень беспокоится за свою дочь, чему я тихо радуюсь. Было бы ужасно, если бы Лизе пришлось по-

кинуть наш дом. Одна мысль об этом всегда меня расстраивала.

— Наш дом, — произнесла я из вредности.

Юрий Викторович не любит, когда я так говорю. Год назад он пригласил меня в свой кабинет и сказал, что позже я непременно должна поступить в учебное заведение, предоставляющее общежитие. И это тот редкий случай, когда наши желания совпали. Мне не терпится начать самостоятельную жизнь, я верю, что она будет интересной и счастливой.

— Дженни, ты на чердаке?! — раздался снизу голос Вики.

— Да! — чуть помедлив, отозвалась я. И короткий вздох огорчения мгновенно вырвался из груди: уединению пришел конец. Торопливо закрыв блокнот, я развернулась к лестнице.

Ступеньки пару раз скрипнули, а затем появилась Вика. Когда она вот так наряжается, пропасть между нами становится еще больше. И остается только ждать неожиданного порыва ветра, который сдует меня с поверхности земли и унесет в дальние дали.

Но ветры обычно не прилетают. Быть может, потому, что я не хотела быть похожей на двоюродную сестру. Хотя она, конечно, значительно красивее меня. Просто внешность в моем случае — это... защита. Никто лишний раз не повернет голову в сторону обыкновенной девчонки в джинсах и простой рубашке. Конопатой брюнетке всегда проще слиться с окружающей средой. А Вика — блондинка, и волосы у нее длинные и прямые. А еще она часто пользуется красной или бордовой помадой. Очень трудно не заметить мою двоюродную сестру.

Не знаю, почему Юрий Викторович считает, будто я могу дурно повлиять на его дочь. Я вообще косметикой не пользуюсь, хотя иногда хочется. Вот только купить ее не на что. И я не ношу коротких обтягивающих платьев, и не курю после уроков на углу школы. Недостатки с Викой у нас точно разные. Меня, например, вполне можно причислить к жадинам, я ни за что никому не отдам разные канцелярские штуки: блокноты, ластики, карандаши, точилки... Возможно, один из моих предков по тайной отцовской линии страдал подобным накопительством или попросту был скрягой.

— Сфотографируй меня. Только не здесь. — Вика провела ладонями по талии и бедрам, покрутилась и с довольной улыбкой спросила: — Я же красотка?

— Да.

— Макс пригласил меня в кино. Я согласилась, но это ничего не значит. Он вообще не в моем вкусе. Не хочу встречаться ни с кем из нашего поселка, это глупо. — Развернувшись, Вика шагнула к лестнице и весело добавила: — Но нас отвезет водитель отца Макса, не буду же я отказываться от такой прогулки.

Мои бабушка и дедушка по материнской линии живут в Анапе, и я с ними встречалась два раза в жизни. *«Дженни, как же ты быстро растешь... Ты хорошо учишься? Дяде и тете не приходится за тебя краснеть? Очень бы хотелось, чтобы ты приехала на следующих каникулах»*. Но в Анапу на каникулы обычно ездит Вика, а я остаюсь дома, чтобы с удовольствием заниматься рисованием на чердаке, читать и слушать музыку. На меня билет не покупают.

Раньше мы жили на одной из шумных улиц Москвы в трехкомнатной квартире, но дела Юрия Викторовича пошли в гору. И мы переехали в коттеджный поселок, расположенный неподалеку от города. У нас не самый большой дом, но зато красивый.

Дядя занимает начальственную должность в алкогольном холдинге и всегда уходит на работу в костюме, белой рубашке и галстуке. «Без меня бы все давно там развалилось, — часто говорит он и добавляет: — Дженни, ты должна радоваться, что живешь в обеспеченной семье и ни в чем не нуждаешься. Не каждая на твоём месте устроилась бы так хорошо. И твоя покойная мать, моя сестра, вряд ли бы смогла организовать твою жизнь подобным образом». Иногда мне кажется, что если бы мама была жива, она бы подошла к Юрию Викторовичу и... плюнула в него.

— Только фотографируй нормально, не обрезай голову и ноги, — потребовала Вика, убрала волосы от лица, положила одну руку на высокую спинку красного бархатного кресла и призывно улыбнулась. — Давай, я готова.

Ужинать Вика отказалась, потому что у нее были накрашены губы, да и с минуты на минуту на отцовской машине должен был подъехать Макс. Картофельную запеканку с овощами и отварной телятиной мне пришлось есть с Мариной Аркадьевной и Юрием Викторовичем. А в такие минуты воздух кажется электрическим.

Со мной редко заговаривают в столовой, а если все же звучат вопросы, они обычно носят педагогический характер. С Викой проще, она отвлекает внимание на себя. То моя двоюродная сестра чем-то

недовольна, то, наоборот, весела, и за столом звучат ее болтовня и участливые замечания Марины Аркадьевны и Юрия Викторовича. Время летит быстрее.

— Спасибо за ужин, — сказала я, подхватила тарелку и направилась в кухню. К счастью, меня никто не окликнул, и уже через пару минут я поднялась по лестнице в свою комнату. Отчего-то на самой верхней ступеньке я обернулась, посмотрела на каминные часы, вспомнила, что стрелки ночью замерли, и уловила в душе настойчивый холод, который довольно быстро превратился в небольшое теплое облако. Но это облако тут же растаяло. Трудно было понять ощущения... Будто зло и добро на мгновение встретились в груди, но... кто одержал победу? Непонятно.

Открыв дверь, я сразу увидела Лизу. Она сидела на стуле рядом с письменным столом и в полутьме ждала меня. А кого же еще, если комната моя? На няню падал свет настольной лампы, отчего морщины вокруг глаз казались более глубокими, чем есть на самом деле. Как же захотелось нарисовать Лизу, вот сейчас, в это мгновение! Но волнение на лице няни и полутьма быстро направили мысли в другую сторону.

— Что-то случилось? Почему ты не включила свет?

— Не включай, — быстро ответила Лиза, — а то я не решусь сказать тебе правду.

— Правду?.. — эхом повторила я.

— Да. Давно пора, но... — Она сжала губы, посмотрела сначала на дверь, будто опасалась, что нас могут подслушать, а затем спросила: — Где твои дядя и тетя?